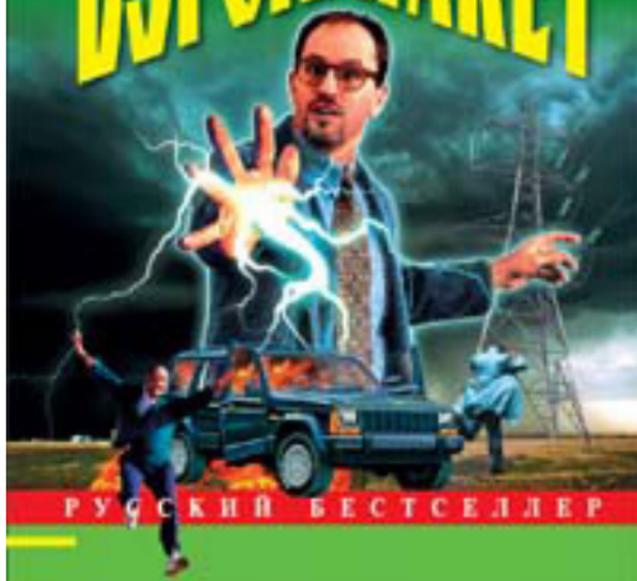




Александр

СКРЯГИН

Контрольный
ВЗРЫВПАКЕТ



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Александр Скрягин

Контрольный взрывпакет, или Не сердите электрика!

Текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319692
Скрягин А.М. Контрольный взрывпакет: Эксмо; М.; 2006
ISBN 5-699-15486-8

Аннотация

Вот уж поистине сыр-бор из-за маслосырзавода разгорелся в сибирском городке Кормиловске. Тут и акционерное общество «Агротрест», и «Сибирские продукты», и продовольственный концерн «Севернефти» пытаются на него лапу наложить. Уж больно лакомый кусочек это процветающее предприятие. Ну и, как водится в таких случаях, грызня между конкурентами за обладание контрольным пакетом акций завода начинается. Майор Бебут, прибывший в город своего детства расследовать дело о сгоревшей машине, оказывается в гуще событий. Тут-то и выясняется, кто истинный хозяин в городе Кормиловске, да и, пожалуй, на всей планете...

Содержание

Пролог	5
1. Особое задание	7
2. Засада	16
3. Обед с видом на тайгу	26
4. Что может быть лучше «Сибирских продуктов»?	41
5. Тревожные часы сырного короля	49
6. В гостинице «Дорожная»	56
7. В городской библиотеке	62
8. Бывший младший научный сотрудник	72
9. В Казачьих казармах	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Александр Скрягин

Контрольный взрывпакет, или Не сердите электрика! (детективная быль)

Описанные в повести события происходили на самом деле. Автор несколько изменил фамилии основных действующих лиц и опустил конкретные детали упоминаемых научных исследований. Все оценки событий принадлежат, естественно, автору и носят полностью субъективный характер.

Автор

Мы давно привыкли пользоваться электричеством. Но никто на свете до сих пор не знает, что такое электрические заряды, как они устроены, почему притягиваются друг к другу и почему отталкиваются. Наука ничего не может сказать по этому вопросу.

Нильс Бор (1885 –1962)), датский физик, лауреат Нобелевской премии.

*Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами –
Только отблеск, только тени*

*От не зримого очами?
В. С. Соловьев (1853 – 1900), русский философ, поэт.*

Пролог

Машина вспыхнула неожиданно.

Ничто не предвещало случившегося. Едва слышно работал на холостых оборотах хорошо отрегулированный мотор. Светофор на железнодорожном переезде мигал желтыми глазами в ожидании поезда. Деловито шагали параллельно рельсам дети Эйфелевой башни – мачты высоковольтной линии электропередач. Солнце в высоком небе было ярким, но не жгучим – мягким. Пассажиры джипа улыбались, оживленно перебрасывались словами. Водитель постукивал пальцами по рулю в такт льющейся из радиоприемника музыке.

Решительно ничего не предвещало несчастья.

И вдруг корпус тяжелого внедорожника неожиданно вздрогнул, словно по его крыше ударили деревянной колотушкой. По черным лаковым бортам разом побежали десятки голубоватых огненных змеек. Из-под капота вырвался веер белых искр.

Четверо пассажиров выскочили из охваченной пламенем машины. Они бросились прочь от обжигающего огня. Но не успели.

Раздался взрыв.

Бегущих людей, бросило на землю, как кегли, сбитые метким шаром.

Дежурная по поезду, испуганная до заикания, вызвала по экстренной железнодорожной связи врачей и пожарных из лежащего рядом населенного пункта.

Его название виднелось на белой эмалевой табличке по другую сторону переезда – Кормиловск.

1. Особое задание

– Майор Бебут! Прошу остаться! – уже у двери услышал Ермолай Николаевич голос начальника отдела подполковника Палия.

Подполковник только что закончил проводить ежедневную утреннюю планерку, и его сотрудники спешили покинуть заполненный волнами нервного напряжения кабинет.

Бебут вернулся, но не сел, чтобы не провоцировать начальство на долгий разговор, а встал у стола для заседаний, опершись о его край рукой. Стол жалобно скрипнул. Майор производил впечатление худощавого человека, хотя весил сто с лишним килограммов. Просто растянутый в стороны плечевой пояс и высокий рост хорошо маскировали мышечную массу.

Начальник отдела Петр Петрович Палий тоже поднялся из-за стола и встал у карты области. Лицо подполковника выражало искреннее дружелюбие. Это Бебута слегка насторожило.

– Ну, как отпуск? Хорошо отдохнул? Смотрю – загорел! – улыбаясь, произнес Петр Петрович.

– Отдыхать всегда хорошо. – равнодушно отозвался Ермолай.

Делиться впечатлениями об отпуске с начальником ему не хотелось. Да, впрочем, и ни с кем не хотелось. Он взглянул на

зеленую карту области и почти автоматически отметил в ее верхней части маленький красный кружок. Он был нарисован фломастером. Внутри кружка стояло название населенного пункта – «Кормиловск».

– А ты где загорал-то? – не желал оставлять тему его отпуска Петр Петрович.

– В Севастополе. – коротко ответил Бебут.

– Так и не можешь забыть своего моря? Как вы, моряки, свою соленую воду любите! Романтики.

Ермолай неопределенно хмыкнул. Дескать, да, мы – такие.

– Бороду отпустил... Ты с ней прямо, как разбойник какой-то! Пугачев натуральный, а не офицер управления по борьбе с экономическими преступлениями...

Сложив руки на груди, майор ждал, когда же начальник от демонстрации дружеского отношения к подчиненному перейдет к делу. Поддерживать пустой разговор ему не хотелось.

– Слушай, Ермолай, – наконец, озабоченным тоном произнес Петр Петрович, – ты в своем Кормиловске давно был?

– Еще до отпуска. Где-то пару месяцев назад.

Подполковник прошелся по кабинету.

– А тебе Лапкин Семен Сергеевич знаком?

– Конечно. Директор и владелец Кормиловского масло-сырзавода.

– Ты его лично знаешь?

– Лично. Мы с ним в одной школе в параллельных классах учились.

– Вот как! – обрадовался Палий. – Это – хорошо! Это – очень хорошо! Ну, и что ты можешь о нем сказать?

– Лет восемнадцать назад после мясомолочного техникума, пришел на завод технологом-сыроваром. К моменту приватизации был уже заместителем директора... Парень очень оборотистый... Пять лет назад завод практически закрылся... Не было ни сырья, ни спроса на продукцию, ни оборотных средств. Он за копейки скупил у коллектива акции. Сейчас владеец контрольного пакета. Полновластный хозяин. Сам и директорствует. Под ним завод ожил. Можно сказать, процветает... У нас в областном центре собственный фирменный магазин сыров открыл... В Москве «Кормиловский твердый» продает... В прошлом году через «Росагроэкспорт» поставил партию сыра во Францию... Кажется, получил новый заказ... По-крайней мере, начал активно расширяться. Построил новый сыроварный цех... Закупил во Франции оборудование как раз под экспортное производство... Вот-вот пустит, если уже не пустил...

– Да это-то я и сам знаю... – отгоняя несуществующую муху, махнул рукой Петр Петрович. – Ты лучше мне скажи... – он запнулся и замолчал. Взглянул на висящее в синем окне нежное облачко и продолжил: – За ним стоит кто-нибудь? Или он сам по себе? Одиночка? Что думаешь?

– По моим данным, никто не стоит... Никакого преступ-

ного сообщества за его спиной не просматривается... Да их в Кормиловске и нет, собственно... Так, всякая мелочь. Бандиты из областного центра туда, насколько мне известно, тоже не совались... Из крупных финансово-промышленных групп пока никто стремления подмять его под себя не проявлял... Да ведь Лапкин подниматься-то стал совсем недавно... До прошлого года, завод одни убытки приносил.

Палий задумался.

С Бебутом они были почти ровесники. Готовились встретить сорокалетие. Даже чем-то походили друг на друга. Оба высокие, спортивные. Только волосы у Бебута – темные, глаза – желтые, как у таежной рыси, а Палий – светлого прибалтийского типа. Несколько портило Петра Петровича то, что светлые глаза у него были посажены слишком близко к переносице. Но это было уж на строгий вкус. А так – мужчина хоть куда.

Петр Петрович взял со стола карандаш, повертел его и задал Ермолаю вопрос. Станный вопрос.

– А вот скажи мне, он ради своего бизнеса на убийство пойти может?

– На убийство? – удивился майор.

– Не обязательно сам... Заказать?

Бебут помолчал.

– Вряд ли... Он человек-то не злой... Хотя, кто его знает... Собственность – штука такая, быстро человека железным делает... А что случилось? Лапкин на кого-то руку под-

нял, пока я в отпуске был?

Палий сел за свой стол и потер лоб.

– Да есть такое подозрение. Понимаешь, какое дело... Пару недель назад Лапкин вышел на руководство нашего акционерного общества «Агротрест» с просьбой приобрести у него контрольный пакет акций Кормиловского маслосырзавода.

– Предложил продать свой завод? – снова удивился Ермолай. – Не может быть... Это ж вся его жизнь!

– Представь себе! Может быть, и правильно решил... Период мелкого производства миновал... Чтобы выстоять на рынке, нужно входить в крупные экономические объединения... – многозначительно произнес начальник отдела. – Лапкин не хуже нас с тобой это понимает... Вот и принял такое решение...

– Что ж, хозяин – барин! – пожал плечами Ермолай Николаевич. – А причем тут убийство?

– Видишь, в чем дело... Лапкин вдруг передумал.

– Передумал?

– Передумал. Неделю назад. – кивнул начальник.

– Документы о продаже он подписал? – спросил Бебут.

– Нет, не подписал.

– Раз не подписал, может и передумать... – заметил майор. – Его право.

– Нет, не его! – сделал энергичный жест рукой Палий. – Ты ж не мальчик! Третий год в нашей конторе работаешь...

Ты должен понимать, что так не делается! «Агротрест» под реконструкцию завода кредит в банке взял. Оборудование за границей заказал. Расходы понес... А тут вдруг – передумал! Но это еще не все!

– А что же еще?

– Когда юристы «Агротреста» с документами в руках поехали к нему, чтобы объяснить – назад хода нет...

– Юристы-каратисты... – негромко обронил Ермолай Николаевич.

– Ай, да брось ты! – взмахнул ладонью Палий. – Сейчас время такое! Только силу уважают!.. Так вот, когда юристы «Агротреста» поехали в Кормиловск для разговора с Лапкиным, на въезде в город у них загорелась машина! Загорелась и взорвалась!... Сейчас все четверо в больнице... У всех ожоги, у двоих – тяжелые, в том числе, у начальника юридической службы Ужевича.

– Так что, ты думаешь, это Лапкин машину взорвал? – спросил Ермолай.

– Не исключено. – сощурил близко посаженные глаза Петр Петрович.

– А что эксперты-то говорят? От чего машина взорвалась?

– Да ничего они толком не говорят... Причина возгорания и последующего затем взрыва неясна... – Палий взял со стола несколько листков и заскользил по ним глазами. – В экспертном заключении ни одного определенного слова... Ну, делают вывод, что предположительно причиной возгорания

могла стать неисправность электросистем автомобиля. Данная неисправность – снова *могла!* – привести к накоплению статического электричества на топливных агрегатах автомобиля и возникновению искры, которая, в свою очередь, – опять-таки *могла!* – вызвать взрыв бензобака... Ну, словоблю-ю-юдие одно! Конкретных выводов нет, одни предположения. А, что произошло на самом деле, они не знают! Ну, сам посуди, когда это у джипов бензобак из-за неисправности электропроводки взрывался, а?

– Всякие случаи бывают. – взглянул в манящее окно Бебут.

– Да, брось ты, Ерема, из себя дипломата строить! – вздернул брови подполковник Палий. – Сам же понимаешь, что-то здесь не так!

Он поднялся из-за стола и снова подошел к карте, ткнул пальцем в обведенный фломастером кружок и сказал:

– Так вот, Ермолай Николаевич, прокатись до своего Кормиловска и пощупай там на месте, что все это значит? Чего это Лапкин в отказ пошел, да еще так круто? Может быть, крыша у него какая серьезная появилась? А, может, еще кто-то глаз на сырзавод положил и помимо Лапкина действует? Нам же надо знать, кто это вдруг такой дерзкий в области возник... С самим Лапкиным поговори... Вдруг он тебе, как знакомцу по школе, что-нибудь скажет... Кстати, начальник службы безопасности «Агротреста» Дудник сейчас в Кормиловске находится. С ним войди в контакт... Может быть, он

что-то уже выяснил... Даю тебе на оперативную разработку три дня... Если понадобится, еще прибавлю! Так что, давай! Садись в свою «Волгу» и поезжай!

– Подожди, Петрович! – запротестовал Бебут. – У нас же был договор, – после отпуска ты меня по области гонять не будешь! Мне диссертацию надо заканчивать и спецкурс по техническим средствам готовить... Я же с сентября курс лекций по техсредствам в Юридическом институте МВД начинаю читать... Ты ведь сам ходатайство из института визировал!

– Ермолай Николаевич! Неделя все равно ничего не решает! – надел на лицо официальную маску Палий. – И ты еще не преподаватель института, а мой сотрудник!

Бебут собрался продолжить сопротивление, но Петр Петрович опередил его. Он заговорил другим, дружеским тоном:

– Хотя ты, Ермолай, и мой сотрудник, но я тебе не приказываю! Мог бы и приказать, но не приказываю. Я тебя прошу! Съезди, разберись, что там и как! Только ты можешь! Это ж твой город! Ты там родился. Тебя там каждая собака знает. Всего-то несколько дней!.. Вернешься из Кормиловска с толковой информацией, заканчивай свою диссертацию, ради бога! Готовься к академической карьере! А пока – сделай, что я тебе не приказываю, а прошу! По-человечески прошу! Понял меня?

– Понял! – сказал майор Бебут и скользнул взглядом по

карте области. На ней красным фломастером обведено название населенного пункта – Кормиловск. Места, где он родился около сорока лет назад.

2. Засада

От областного центра до Кормиловска двести пятьдесят километров. По Сибирским масштабам – пустык. Хотя весь Крым с севера на юг примерно столько.

Заслуженная "Волга" Бебута пулей летела по хорошему шоссе. Машина когда-то принадлежала управлению по борьбе с экономическими преступлениями. Но пару лет назад в органы начала активно поступать новая техника, и начальство разрешило продавать старые автомобили сотрудниками по остаточной стоимости. Если бы не это, Бебут никогда бы не смог на свою зарплату приобрести автомобиль. А так, эта «двадцать четвертая «Волга» стала ему в три месячных зарплаты. Да и то в рассрочку. Бухгалтерия ежемесячно вычитала с денежного содержания по тридцать процентов.

«Волга»– автомобиль вечный. И, если в плавности хода, расходе бензина и уровню звука в салоне она уступает западным машинам, то по реальной, а не показной надежности превосходит на порядок. Не то, чтобы она не ломается. Ломается, и часто. Но ее конструкция позволяет своими руками или с помощью знакомого дяди Васи устранить любую поломку. Отмоешься от черного масла и бензина, изругаешь отечественную технику последними словами и опять, как ни в чем не бывало, крутишь баранку.

А удачливый в бизнесе друг ноет при встрече, что его

«Мерседес» опять стоит. Каждая запчасть стоит столько, сколько вся «Волга», да еще и поставить ее на самых фирменных станциях техобслуживания, как следует, не могут. «Такие деньги отдал, жену с дочками в лес свозил и опять стою!... Они проклятую деталюшку на оптовой базе в Москве заказали, говорят, скоро пришлют... Жду, вторая неделя пошла!»

Шоссе было пустынно.

Наслаждаясь свободным пространством перед собой, Бибут утапливал ребристую педаль газа до самого пола. Будто сорванная диким смерчем проносилась мимо трава на обочине, неспешно уплывали к оставшемуся позади областному центру веселые березовые рощицы, а сизые ленты лесов у горизонта оставались на месте.

Кормиловск находился как раз на границе лесостепи и тайги.

Между ним и областным центром лежали плоские пшеничные поля, разделенные веселыми березовыми рощицами. И только у самого Кормиловска к дороге подступал непроглядно темный хвойный лес. Правда, его передовые посты в виде одиноких медноствольных кедров начинали встречаться еще за много километров от маленького городка.

На самом деле, сибирские хвойные великаны ничего общего с настоящим кедром не имеют. Их правильное название – Сибирская кедровая сосна. Но по красоте, качеству ве-

ликолепной ароматной древесины и долгожительству сибирской сосне вполне мог бы позавидовать описанный в Библии настоящий кедр, растущий в Ливанских горах.

«Не случайно, – подумал Бебут, – в Сибири говорили, в березняке – веселиться, в кедровнике – Богу молиться.»

Когда-то Кормиловск был большой станицей на Великом сибирском тракте. И славился ямщицкими тройками, постоянными дворами и оптовой торговлей сладким сибирским маслом. Его со всех сторон свозили сюда местные крестьяне-маслоделы. Это были – прижившиеся в Сибири потомки донских и уральских казаков, украинских крестьян, а также немцев из различных германских княжеств, два века назад переселенных в эти края императрицей Екатериной Великой. Экспорт сливочного масла в Европу приносил подданным Российской империи доходы в два раза превышающие те, что давала добыча золота на богатейших Ленских приисках.

Большая часть знаменитого французского масла в начале двадцатого века представляла собой сибирское масло, поставляемое Россией в Париж. Там его переупаковывали в хорошую вощеную бумагу с надписью «Сделано во Франции» и уже, как французское, продавали по всей Европе. Немалые деньги от этих операций доставалась тогда и Кормиловску.

Но счастливую судьбу города разрушила Транссибирская магистраль. Стальные линии Транссиба прошли южнее, через нынешний областной центр. Постепенно и вся жизнь пе-

реместила туда. Вozy с пшеницей, мясом и маслом устремились к железнодорожным вагонам. Ямщиковы дочери – к женихам в путевских и военных фуражках. Купеческие сыновья – к высоким дверям гимназий и реальных училищ. И Кормиловск заснул.

Бебут мчался по пустынному шоссе. Ловил носом рвущийся в приоткрытое окно упругий, пахнущий дикой зеленью ветер и с удовольствием выводил слова забытой народной песни: «Ко славе страстию дыша... В стране суровой и угрюмой... На диком бреге Иртыша-а-а... сидел Ермак объятый думой...»

На самом деле песня была не такой уж и народной. У ее слов был вполне конкретный автор. Декабрист Кондратий Рылеев.

В жизни голос у Бебута был низким баритоном, но когда он пел, то почему-то он поднимался почти до тенора. И вот таким не свойственным ему в обычном разговоре надтреснутым тенорком майор выводил: « О, спите, думал наш герой... Друзья, под бурею ревущей... С рассветом глас раздастся мо-о-ой... На сла-а-аву иль на смерть зовущий...»

«Агротрест», конечно, вполне мог наехать на Лапкина и настоятельно потребовать продать завод... – размышлял он под звуки собственного вокала. – Фирма эта непростая... Фактически она принадлежит первому заместителю губернатора Климу Ивановичу Ведерникову. Да и подниматься-то она стала только после того, как он три года назад получил

свой пост. А до этого так, пузырь на ровном месте – маленький копильный цех, да минирынок в областном центре... А за три последних года она, действительно, превратилась в крупную организацию областного масштаба... Несколько зерновых хозяйств, мясокомбинат, собственное складское хозяйство с рефрижераторами... Так что, для «Агротреста» было бы вполне логичным приобрести сырзавод с его неожиданно ставшим общероссийским брэндом «Кормиловский сыр»... Мог Семен Сергеевич Лапкин это предложение принять?... Мог... Есть предложения, от которых нельзя отказаться... В конце концов, жизнь дороже... А мог он передумать и вступить в драку, да такую, чтобы начать, как партизан, подрывать вражеские машины?... Не похоже на него... Он уж скорее начал бы торговаться, чтобы, например, место директора за собой оставить, а войну всерьез начинать, это – вряд ли... Да, в самом деле, странная история...»

За размышлениями и вокалом время летело незаметно.

До Кормиловска оставалось уже совсем не много. Березовые колки стали гуще, подступили совсем вплотную к дороге. Среди мягкой трепещущей листвы замелькали колючие ветки одиноких сосен, а в некоторых местах – уже и целые островки темной мохнатой тайги. Вот-вот должен был показаться переезд. За ним и располагался тихий северный городок.

И здесь, когда шоссе стало опускаться в ложбинку, Бебут неожиданно увидел милиционера в серо-сизом камуфляже.

Широко расставив ноги, он стоял посередине пустынного шоссе. В руке сотрудник держал поднятый дорожный жезл. Чуть в стороне, на обочине, стояло еще два сотрудника милиции. У одного из них висел на плече укороченный автомат с откидным прикладом.

Майор плавно сбросил скорость и остановился метрах в десяти от стоящего на дороге милиционера.

Тот неторопливо направился к «Волге». Два же других, стоящих на обочине сотрудника, бросились к машине почти бегом.

– Лейтенант Митрофанов! – негромко проговорил сотрудник с жезлом, подойдя к машине со стороны водителя. – Выйдите из машины!

– А что случилось, лейтенант? – поинтересовался Бебут, оставаясь на месте. Матерчатые погончики на плечах у милиционера никаких звездочек не имели. Нарукавной нашивки тоже не было.

– Из машины, я сказал! – неожиданно злобно рявкнул лейтенант. – Ну!

«Странно... – подумал майор. – Чтоб районный сотрудник с водителем из областного центра так разговаривал... Да еще едущим на машине с не простым для любого дорожного инспектора номером.. Что происходит с родным Кормиловском?»

В это время с противоположной стороны к «Волге» приблизился автоматчик, открыл дверцу и ввалился в салон.

У него было большое щекастое лицо с редкими черными усиками.

– Деньги с собой? – деловито спросил он и ткнул воронкообразным дулом майора под ребро. Бебуту это, естественно, очень не понравилось, но он никак этого не показал.

– С собой. Но не все. – извиняющим тоном ответил он и начал оценивать обстановку с точки зрения возможного боестолкновения.

У стоящего рядом с левой дверцей милиционера, похоже, оружия кроме полосатого жезла не было. А вот у третьего, держащегося позади члена группы... Ба-а-а! Да у него обрез ижевской охотничьей вертикалки!.. Во дела! Ну, ясно, что это за милиция такая, мелькнуло у него в голове.

– Давай, сколько есть... – тихо и уверенно проговорил автоматчик.

«Судя по всему, он старший и есть. И тон командирский и оружие лучшее у него... Это хорошо...» – работал маленький штабной оператор в Бебутовской голове.

– Ну, ладно, раз так... Сейчас отдам... – растерянно забормотал майор и стал неловко разворачиваться всем корпусом в сторону автоматчика, одновременно протягивая левую руку к вещевому отделению в приборной панели.

Непрошенный сосед инстинктивно подвинулся, считая, что морально сломленный водитель хочет открыть крышку отделения, в котором лежат деньги. Это было его ошибкой.левой рукой Бебут снизу вверх ударил липового сотрудника

милиции в челюсть, а правой схватился за ствол автомата и с силой толкнул его под ребра владельцу.

Самоуверенный автоматчик издал болезненный хрип и открыл рот, безуспешно пытаясь вздохнуть. Бебут вывернул автомат из его ослабевших рук, и сразу резко открыл левую водительскую дверь. Всей плоскостью она ударила по налетчику, пригнувшемуся к оконному проему. Дверь отбросила его в сторону. Лжемилиционер не удержался на ногах и упал на спину. Бебут выскочил из машины, навел автомат на третьего члена группы с обрезом в руках и едва успел уйти с линии огня. Противник выстрелил по нему из обоих стволов. Картечь разорвала воздух у самой головы.

Майор повел стволом автомата в израсходовавшего боезапас стрелка и бешено проорал:

– Бросай ружье, баран! На куски разрежу!

Однако, бросать разряженное оружие фальшивый милиционер не стал. Он повернулся и бросился в лес. Вслед за ним, припадая на одну ногу и держась за бок, но быстро, помчался и выбравшийся из машины главарь. К противоположной лесной стене убегал поднявшийся с асфальта поддельный лейтенант Митрофанов. Через считанные секунды все трое нападавших бесследно растворились в зеленой толще.

Бебут повертел в руках автомат. Осмотрел. Милицейский вариант с укороченным дулом и откидным прикладом. Почти новый. Следов потертости на воронении нет. Пуля в

стволе. Отсоединил рожок. Полный боекомплект. С предохранителя снят. Когда я его бил, бандит мог рефлекторно нажать спуск... Правда, ствол был направлен в лобовое стекло, но все равно, хорошо, что не выстрелил... Возись потом с ремонтом... Но, что вообще все это значит? Что за деньги? Случайный налет?... Но про деньги автоматчик очень уверенно говорил... Как будто точно знал, что они должны быть в машине... Добрые люди, что это с Кормиловском делается?

Ермолай Николаевич бросил автомат на заднее сиденье, подумал, взял и засунул под сиденье.

«Да, что это я расслабился... – подумал он. – Вдруг у бандитов есть, чем обрез перезарядить? Как жажнут из-за деревьев, пикнуть не успеешь... Уезжать надо, пока не поздно.»

Он быстро влез в машину, нажал на педаль сцепления и сорвался с нехорошего места.

Вскоре деревья расступились, и перед Бебутом открылся переезд через железнодорожную линию. Это была небольшая ветка, ведущая к местному леспромхозу. Шлагбаум был опущен. Маневровый тепловоз медленно тянул за собой несколько железнодорожных платформ, груженных толстыми круглыми бревнами. Вдоль железной дороги размеренно шли к горизонту решетчатые мачты высоковольтной линии электропередачи.

В приоткрытое окно автомобиля пахло сгоревшей нефтью и свежепиленным лесом. Работой. Спокойствием. Миром.

Последние остатки напряжения покинули майора.

Ожидая пока освободится переезд, он снова замурлыкал, постукивая по рулю пальцами: «О, спите, – думал наш герой... Друзья под бурей ревущей... С рассветом глас раздастся мо-о-ой... На славу иль на смерть зовущий!...»

Тепловоз на пути остановился, лязгнул сцепками платформ и начал медленно толкать состав в другую сторону.

«На славу иль на смерть зовущий!» – с чувством повторил майор последнюю строчку куплета.

Тепловоз длинно и жалобно загудел и, осуществляя какие-то непонятные постороннему наблюдателю маневры, вновь остановился.

«Да, славы пока не видно, а смерть рядом с головой только что пролетела...» – сообщил Ермолай себе.

Он скользнул взглядом по капоту своей машины, участку дороги перед ним и зацепился за большое мазутное пятно, распластавшееся на асфальте и захватившее гравий на обочине.

«А ведь это похоже след от того самого взорвавшегося джипа. – подумал он. – Ну, да, он же, как раз, на переезде и сгорел... Так же вот стоял, состав переждал и...»

3. Обед с видом на тайгу

Майор въехал в Кормиловск в полдень.

По утопающей в старых тополях улице Бебут выбрался на центральную площадь.

С трех сторон площадь окружали невысокие каменные строения – почта, продовольственный магазин, районная библиотека и трехэтажное здание городской администрации.

А над их рыжими крышами висели в воздухе гигантские массы зелени. В сравнении с этими живыми колышущимися горами построенные людьми здания казались по-детски игрушечными.

Четвертая сторона площади была открыта. Она распаивалась прямо в воздушный океан.

Центральная площадь Кормиловска была расположена на высоком обрыве, под которым текла великая сибирская река. Ее противоположный берег был низким. На нем до самого горизонта застывшими сизо-зелеными волнами лежала тайга. Она тянулась на тысячи километров до приполярной тундры, за которой уже не было ничего. Только Северный ледовитый океан. Полюс. Точка схождения географических координат. Абсолютный ноль.

Но здесь в Кормиловске, отгороженном от вселенского холода тысячекилометровым таежным одеялом, было тепло и уютно.

Бебут поразмышлял немного. И сказав себе: «А, что ж тут думать!», отжал педаль сцепления, вывернул руль и покатил к правому краю площади. Там стоял солидный двухэтажный дом, сложенный из почерневших от времени кедровых бревен. На стороне, обращенной к обрыву, по второму этажу тянулась открытая длинная терраса с вазоподобными точеными столбиками ограждения.

Ермолай Николаевич посмотрел на второй этаж. На террасе определенно что-то происходило. Он вгляделся и одобрил увиденное. Он даже пробормотал: «Ну, да, конечно! А как же еще!»

Он выключил двигатель, выдернул ключи, запер машину и направился к дому.

Калитка в невысоком решетчатом заборе была закрыта деревянной вертушкой. Бебут просунул руку сквозь рейки, открыл дверь и вошел. К высокому крыльцу вела выложенная битым кирпичом дорожка. Она петляла между разросшихся кустов малины, смородины, крыжовника и грядок с развесистыми помидорными кустами.

Широкие доски просторного крыльца скрипнули под его ногами. Открыв дверь, он оказался в темной прихожей с высоким старым зеркалом и рогатой головой лося на стене. Лось грозно взглянул на Бебута выпуклыми стеклянными глазами.

Из прихожей майор вошел в большую комнату, уставленную тяжелой деревянной мебелью. Над круглым столом ви-

сел, слегка покачиваясь, большой, как купол собора, зеленый абажур с эполетовыми кистями. В сумрачном углу замерли высокие напольные часы в ореховом футляре с граненым стеклом в верхней части.

Пахло сохнувшей полынью, старым деревом и, едва заметно, – женскими духами.

Наступая на дружелюбно мяукающий паркет, Ермолай подошел к ведущей на второй этаж крутой лестнице с площадкой посередине и поднялся на второй этаж. Лестница привела его в маленькую комнату, которую можно было принять за просторный книжный шкаф. Заставленные книгами полки, занимали все стены – с пола до потолка. Падающий с веранды солнечный луч высвечивал на высоте человеческого роста линейку корешков с золотой надписью «А. С.Пушкин».

Кроме книжных полок в комнате находились только большой письменный стол и кожаное кресло за ним.

В комнате-библиотеке никого не было.

Застекленная дверь вела на веранду. Она была приоткрыта. Сквозь щель оттуда просачивался аппетитный запах. Бебут подошел к столу и опустил в кожаное кресло. С этого места через неприкрытую дверь ему было хорошо видно и слышно все, что происходило на веранде.

А там происходил серьезный спор.

Его вели Профессор Ненароков и Женя Ожерельев.

Собственно говоря, никаким профессором Роман Григорьевич Ненароков не был. Он был простым учителем. Всю

свою жизнь он преподавал физику в средней школе. Но Роман Григорьевич любил свой предмет. Особенно, разделы, посвященные электричеству. Любил и умел заразить интересом к тайнам устройства материи своих учеников.

Не одно поколение кормиловцев училось у Ненарокова. Сидел когда-то за партой перед ним и Ермолай Бебут.

Профессорское звание Роману Григорьевичу присвоили не уполномоченные на то члены Ученого Совета, а, дали простые жители города Кормиловска.

Но наряду с электричеством была у Григория Романовича и еще одна страсть. Русская поэзия. Любовью к ней он заражал окружающих не хуже, чем любовью к разгадке тайн мироздания.

Ненароков был по-профессорски голубовато-сед, но лицо его принадлежало не кабинетному затворнику, а заядлому охотнику. Оно коричневело от загара и, было разбито глубокими морщинами на небольшие квадраты так, словно его сшили из отдельных кусочков кожи, как модную дамскую сумку. В его ярко-синих глазах по-прежнему светилось удовольствие от самого процесса жизни.

А вот в глазах его собеседника – Жени Ожерельева – усмотреть подобное настроение было трудно.

Между его длинными ресницами грустно мерцало всемирное уныние, а худая высокая фигура словно бы выражала немой укор немилосердной судьбе. Хотя, на самом деле, обижаться на жизнь у Евгения не было оснований. Со здо-

ровьем у него все было в полном порядке. В материальном смысле он был обеспечен. Евгений Иванович работал главным механиком находящегося на подъеме акционерного общества «Кормиловский маслосырзавод».

Правда, Ожерельеву не слишком повезло с личной жизнью. С женой он развелся лет десять назад. Но расставание произошло по обоюдному согласию, без скандалов, к взаимному облегчению, и не могло претендовать на роль личной катастрофы.

Обволакивающее Женю грустное облако ноябрьского тумана не имело под собой очевидных источников.

В центре солидного стола красовалась исходящая паром круглобокая фаянсовая супница. Из нее торчала блестящая ручка кухонной поварешки. Рядом с ней сверкал пойманным солнцем приземистый графинчик с янтарной жидкостью – фирменной кормиловской настойкой на кедровых орехах. А на плоской круглой тарелке была выложена и фирменная закуска – твердый сыр местного производства. В его тонких пластиках круглились крупные дырки, а сам сыр будто светился изнутри.

По краям стола были расставлены три пустых глубоких тарелки. Рядом с каждой находились ложка, вилка, столовый нож и бочкообразная стопочка.

«А для кого же третий прибор? – спросил себя невидимый с веранды Бебут. – Не могли же они знать, что я приеду?»
– Так вот! – продолжая спор, обратился к Жене Профес-

сор. – Литература – это не развлечение! Это – мощный инструмент познания Вселенной! Я тебе скажу так – она знает о мире больше, чем наука! А русская литература – в особенности!

– Ой, да все это преувеличение! Все это красивые слова! – тоном полностью разочарованного во всем человека произнес Ожерельев.

– Преувеличение? – вскинулся Григорий Романович. – Я тебе докажу! Я тебе сейчас докажу так, что ты заплачешь и никогда со мной спорить не будешь!

– Ой, да, знаю я ваши доказательства... – сморщился Женья. – Одни эмоции.

– Эмоции? Хорошо же! Слушай. Вот ты мне только что рассказывал, что современная наука предполагает существование в мире единого информационного поля, где содержится вся информация, все сведения, все возможные знания об устройстве мира, так?

– Ну, так... Это вещи очень сложные... Не каждому понятные... – многозначительно произнес главный механик.

– Конечно, где уж нам, глупым старикам понять! – вздернул седую голову почитатель русской литературы. – А вот послушай, что писал еще в середине девятнадцатого века Алексей Константинович Толстой. Подчеркиваю, еще в середине девятнадцатого века! Когда, даже самого понятия «информация» в точных науках еще и не было!

Профессор поднял коричневый палец и процитировал:

«Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!

Вечно носились они над землею, незримые оку...»

Профессор замер, как бы прислушиваясь к уплывающим с веранды в воздушный океан торжественным строкам.

Выражение Жениного лица оставалось разочарованным.

– Заметь: вечно носились они над землею... Незримые оку! А! Как? Разве это не описание информационного поля? – спросил Профессор.

Евгений никак не отреагировал, но еще больше сморщился.

– Вот, послушай дальше. – протянул к нему раскрытую ладонь Григорий Романович:

«Много в пространстве невидимых форм и
неслышимых звуков,

Много чудесных в нем есть сочетаний и слова и
света,

Но передаст их лишь тот, кто *умеет* и видеть и
слышать...»

– Ну, что теперь скажешь? Разве здесь не информационное поле имеется в виду? А? – с торжеством на морщинистом лице спросил Григорий Романович.

Бебут знал, что философский диспут между двумя сидящими на террасе участниками мог продолжаться бесконечно. Ермолай и сам любил отвлеченные разговоры, а еще больше, – послушать умных людей, но в этот раз майор вы-

нужден был подгонять время. Он поднялся, подошел к двери, распахнул ее и шагнул из полутемной библиотеки в мир, пронзенный веселыми солнечными лучами.

Профессор и главный механик прекратили спор и удивленно, посмотрели на него, словно он вынырнул на веранду из самого информационного поля.

– Ермо-о-оша! – наконец, воскликнул Григорий Романович. – Я так и знал, что ты вот-вот появишься. – Проходи! Мы как раз обедать собрались! Садись! Покушаешь с нами! Польшка такой супец сварила-а-а! Чуешь, как пахнет? Если желаешь, и рюмочку нальем, не пожалеем!

Женя изобразил на лице какую-то кислую мину. Другой человек, на месте Бебута обиделся бы такому к себе отношению, но Ермолай Николаевич учился вместе с Ожерельевым в одной школе и знал, что подобная гримаса означала у Евгения почти предельное выражение приветливости.

В тот момент, когда Бебут смотрел на главного механика, мир перед его глазами внезапно померк.

Кто-то незаметно подкрался к нему сзади и закрыл ладонями глаза.

Ладони были прохладными и гладкими. И он, конечно, сразу догадался, кто стоял у него за спиной, сообразил, для кого была приготовлена третья тарелка на столе и, понял, что сейчас на него нападут.

Конечно, это была она – Полина Теплицкая.

– Бессовестный! – осуждающе протянула она. – Приехал

в Кормиловск и даже ко мне не зашел! Негодяй!

Полина происходила из настоящих сибирских казаков. Тех, чьими руками когда-то осваивался и удерживался в составе Российской империи этот гигантский край. И это чувствовалось. Ростом она была лишь чуть пониже Бебута, широкие бедра грозили разорвать тонкую ткань светлого летнего платья, а маленький золотой медальончик лежащий на обнаженных сверху полушариях, так и норовил повернуться боком и бесследно спрятаться между ними.

Полинины темные волосы были разделены посередине пробором и забраны на затылке в тяжелый узел. Ее короткий нос был самоуверен, а глаза цвета спелой травы смотрели поучительно строго.

С детских лет она имела характер решительный.

В школьные годы Полина занималась художественной гимнастикой.

Как-то еще классе в девятом, Полина возвращалась с занятий в спортивной секции. Было это поздним временем, наступали сумерки.

И тут как на грех, ее заметили два залетных уголовника, неизвестно какими судьбами прибывшими на позднем автобусе в Кормиловск. Уже тогда, фигура у Полины была вполне сформировавшаяся. Сооблазившись девчонкой, залетные умело подхватили ее под руки и потащили в ближайшую лесопосадку.

Их действия не остались не замеченными. Полина со-

седка десятилетняя Нинка, идущая домой из магазина, заметила происшедшее. Она вбежала в находящийся рядом ресторан автовокзала и закричала: «Там чужие дядьки Польку Теплинскую схватили!»

Мужчины бросились на улицу и побежали вслед за Нинкой.

Когда они добежали до лесопосадки, то увидели там следующую картину. Один из залетных стоял на коленях под березой, закрыв руками лицо. Он выл, как раненная собака. Из-под ладоней у него сочилась кровь. Второй рычал, громко матерился, но приблизиться к Полине не решался. Особой помощи от прибывших на выручку девушке и не требовалось.

Оказывается, в лесопосадке, когда уголовники освободили жертве руки, считая, что она уже никуда не денется, Полина, вытащила из спортивной сумки металлическую расческу с острой длинной ручкой и ударила одного из нападавших в глаз. Второму она нанесла твердым носком туфли удар в голень и, резко отпрыгнув в сторону, встала, готовая отразить нападение.

Однако, нападать оказалось некому.

В настоящее время Полина Теплинская трудилась главным сыроваром на том же самом Кормиловском маслосырзаводе.

«Правильно я зашел.» – сказал себе Бебут.

– Ну, чтобы никто не трогал! – произнес Профессор Нена-

роков свой традиционный тост и мужчины дружно выпили горьковатый янтарный напиток. Полина только приподняла свою рюмку.

Сначала в желудке у майора приятно потеплело, затем он почувствовал легкий призыв аппетита, а еще через несколько мгновений аппетит вырос до солдатских размеров и превратился в волчий голод.

Полина взялась за поварешку и, стоя, начала разливать суп.

– А чего это Лапкин захотел завод продавать, а? – произнес майор, обращаясь ко всем сразу. – Только на подъем пошел... Прибыль появилась... Теперь-то работать, да работать, деньги на калькуляторе считать, а он – продавать... Странно!

– Кто ж его знает, чего он так решил... Он нам не докладывает! – осуждающим тоном произнесла Теплинская.

– Это не он захотел продавать, это у него захотели купить... – разглядывая пустую рюмку, грустно заметил Женя Ожерельев.

– А я еще слышал, будто он в последние дни, вроде как, передумал продавать... Правда? – спросил Ермолай.

– Это надо у самого Семы спрашивать... Кто его знает, что он там себе думает, да передумывает... – недовольно пропела Полина.

– Ты, да не знаешь? – внимательно посмотрел на нее Ермолай.

– А почему я должна знать? – сделала вид, что удивилась Полина.

– Ты ж его правая рука!

– Это я в работе его правая рука. И левая. И обе ноги. А так же все то, что есть только у мужчин. – с женским самодовольством произнесла Полина. – А продавать или не продавать, тут он меня не спрашивает!

Взгляд главного механика излучал мировую тоску.

Первую исходящую паром тарелку Полина своими полными руками подала Профессору, затем гостю – Бебуту, а уж затем – Жене Ожерельеву.

Суп был особым местным блюдом. Он варился из говядины с клецками, слегка обжаренным луком и помидорами. За пять минут до готовности в суп клали лавровый лист и черный перец горошком. Уже после снятия с огня в кастрюлю бросали мелко нарезанный чеснок. Потом суп еще настаивался под закрытой крышкой минут пятнадцать.

Ермолай Николаевич вылил в рот ложку с пряным бульоном, ощутил знакомый с детства вкус и одобрительно кивнул.

Главный механик посмотрел на Ермолая, и его невеселое лицо приняло совсем уж страдальческое выражение.

– А еще говорят, будто это Сема машину с юристами «Агротреста» сжег... – обвел взглядом присутствующих за столом Ермолай. – Неужели он?

– Сема все может. – голосом воспитательницы детского

сада сказала Полина, опускаясь на стул.

– Я слышал, она сама сгорела. От электричества. – мрачно заметил Ожерельев.

– Да? – посмотрел на него Бебут.

– Говорят... – обратив свое внимание к супу, промямлил Женя.

Бебут прожевал сочный кусочек мяса, влил в рот очередную ложку горячего бульона, пахнущего счастливой домашней жизнью, и посмотрел на открывающийся перед ним вид. Внизу, за рекой убегали к горизонту сизые волны тайги и висели над ними тяжелые гипсовые клубы облаков.

За таким обедом, с такими соседями по столу можно было сидеть долго, хоть до полной темноты, да и после. Покидать гнездо Профессора Ненарокова не хотелось. Но, как напоминание о суете Большого мира снизу долетел мягкий бронзовый звук:

Бибам – бра-а-амс! Бибам – бра-а-амс!

Это били стоящие в зале старые напольные часы.

Бебут помнил их вкрадчивый звон столько же, сколько себя.

Давно, в то время, когда спинки стульев были с ним одного роста, он очень хотел узнать, кто же издает этот волшебный звук. И, улучив момент, протиснулся между стеной и задней частью часового футляра. На задней стороне часов он обнаружил запертую на металлический крючок деревянную дверцу. С замиранием сердца он приподнял черный

крючок и открыл ее. Внутри между зубчатыми колесиками и блестящими рычажками он увидел маленького, похожего на сказочного гнома железного человечка. В руке гном держал большой по сравнению с ним самим, но очень маленький для нормальных размеров, молоточек. Рядом с человеком находился блестящий, размером с яблоко пузатый колокол. Немного подождав, он увидел, как гномик ударяет своим молоточком по колоколу, и услышал бархатный долго не затихающий звук.

С тех пор, при бое Ненароковских часов, Ермолай сразу вспоминал о пунктуальном человечке. Он много лет собирался открыть деревянную дверцу и спросить его: «Ну, как ты тут? Не скучаешь?» Но почему-то за много лет так этого и не сделал.

За таким обедом, с такими соседями по столу можно было сидеть долго, хоть до полной темноты, да и после. Но кое-что Ермолаю еще предстояло сделать. Через десять минут майор стукнул ложкой о дно пустой тарелки и поднялся.

– С сожалением вынужден вас покинуть! – сказал он. – Сегодня еще кое-какие дела надо закончить!

– Так ты ночевать-то приедешь? – вздернул брови над синими глазами Григорий Романович.

– Приду.

– Ты не старайся очень! Всех дел не переделаешь! – напутствовал его Профессор.

– А ты, вообще-то, сколько у нас побудешь? – грустно

осведомился Евгений.

– Пока побуду. – неопределенно ответил майор.

Он махнул рукой, повернулся и вошел в комнатку-кабинет. После освещенной солнцем веранды она показалась ему совсем темной. Здесь его догнала Полина.

– Ну, куда ты побежал? – сверкнула она в сумеречном воздухе кабинета зелеными глазами. – Чего это ты у Романа Григорьевича ночевать собрался? Мой дом тебя уже не устраивает?

– Это я так, на всякий случай. Вдруг ты непустишь. – сказал он.

– И надо бы тебя не пускать... Да, уж ладно! Такая я добрая! Приходи! Буду ждать! – стрельнула глазами женщина.

– Приду. – пообещал майор. – Но, возможно, поздно. – уточнил он.

4. Что может быть лучше «Сибирских продуктов»?

Кормиловский маслосырзавод находился недалеко.

Метрах в двухстах от дома Профессора Ненарокова. На улице, идущей над обрывом.

Это было двухэтажное краснокирпичное здание, построенное в русском стиле – терем, только каменный. Его ввел в России император Александр Третий Миротворец, тот самый, который начал прокладывать великий транссибирский железнодорожный путь.

Но Бебут пошел не туда.

Майор направился в представительство «Агротреста». Оно находилось еще ближе. Здесь же, на центральной площади, только с другого края.

Бебут неторопливо пересек площадь. Асфальт, был светлый, как будто полинявший на солнце.

От окружающих площадь с трех сторон зданий струилось тепло. А с четвертой стороны, со стороны обрыва, из бескрайней, уходящей к горизонту тайги налетал прохладный, полный диких запахов ветерок. Неуют нес он с собой. Наэлектризованные молекулы кислорода, заряженные где-то за северным Полярным кругом гигантскими разрядами Северного сияния.

Кормиловское представительство «Агротреста» помещалось в старом, но крепком двухэтажном доме. Первый этаж сложен из кирпича, а второй – из толстых бревен вечной сибирской лиственницы, которая от времени не ветшает, а, наоборот, становится крепкой, как сталь. В позапрошлом веке, наверное, принадлежал он какому-нибудь солидному кормиловскому купцу. Не только купец, память о его делах исчезла из памяти. А лиственница лежит, как ни в чем не бывало.

К новой двери, покрытой вишневым шпоном, вели несколько ступенек с деревянными перилами. Вход сверху прикрывал навес с резьбой, явно сделанной недавно.

Как отметил Бебут, все окна в доме, были плотно закрыты изнутри жалюзи.

Майор поднялся по чистым плашкам ступеней и нажал черную кнопку звонка. Он услышал, как внутри мелодично заплясали звуки.

В доме родилось какое-то шевеление, но дверь не открылась. Его, видимо, рассматривали через стеклянный глазок.

Бебут подождал и снова нажал кнопку.

Давая возможность рассмотреть себя осторожничающим хозяевам, повернул голову вправо, влево.

По ту сторону вишневой двери его продолжали изучать.

Майор сделал шаг назад и развел руки в стороны. Дескать, да нет у меня в руках ни гранаты, ни автомата.

Наконец, дверь открылась. Сначала на ладонь, затем, во всю ширину.

За ней стояли двое молодых парней в кожаных безрукавках.

– Кто нужен? – спросил один из них.

– Дудник Виктор Михайлович. – ответил Бебут.

– Он вас приглашал?

– Нет. Но скажите ему, что пришел Бебут. Он примет.

– Подождите. – кивнул переговорщик, шагнул вглубь помещения и Бебут услышал, как он тихо говорит кому-то:

– Коля, скажи Дуднику, к нему какой-то Бебут.

Прошло еще с минуту.

– Проходите. – сказал оставшийся сторож и отступил в сторону.

Майор вошел и оказался в большой полупустой комнате. По стенам стояли стулья. А в середине уходила на второй этаж широкая лестница с покрытыми лаком сосновыми перилами. Сопровождаемый охранником, майор поднялся на второй этаж, миновал коридор и вошел в высокую дверь с застекленным переплетом.

В комнате за большим накрытым к трапезе столом сидел начальник службы безопасности «Агротреста» Виктор Дудник.

Происходил он из бывших спортивных звезд. Был призером первенства России по боксу в среднем весе.

В свое время Дудник организовал охранную фирму. Пару раз едва не попал под статью о вымогательстве, но обошлось. Секрет крылся в том, что Витя в течение нескольких

лет тренировал группу курсантов-боксеров в юридическом институте МВД. Ставшие к этому времени оперработниками и следователями спортсмены помогли своему бывшему тренеру.

Виктор задерживался на российско-эстонской границе при попытке вывезти из страны эскиз русского художника Поленова без каких-либо разрешительных документов. Но снова до суда не дошло. Начальником таможенного поста оказался бывший сокурсник по Академии физкультуры. Эскиз исчез неизвестно куда, а дело замяли.

Когда же его дальний родственник Клим Иванович Ведерников стал вице-губернатором, Виктор Михайлович превратился в руководителя силовой структуры «Агротреста». Жизненный опыт, к сожалению, дал Виктору основания уверовать в собственную исключительность и гарантированную судьбой везучесть.

Голова у Виктора Михайловича была слегка вытянута вверх. Светлые волосы зачесаны назад с претензией на мужскую элегантность. В кофейного цвета глазах застыла самоуверенность.

– Здравствуйте, Ермолай Николаевич! – поздоровался он, поднимаясь. – Вас Палий прислал?

Вопрос Бебуту не понравился, но он это никак не показал, а лишь кивнул.

– Садитесь. Пообедаете с нами? У нас сегодня баранина с овощами... Нюра готови-и-ит! Прямо, как у нас на сборах в

Лазаревском было. Отлично просто!

– Ну, что ж, раз Нюра так хорошо готовит, попробую вашу баранину... Заодно и поговорим. А то у меня время не так уж много.

За стол село человек десять. Все они были похожи на тех спортсменов, что встретили Бебута у входа.

«Похоже, Дудник едва ли не вся службу безопасности «Агротреста» в Кормиловск стянул. Бойтся. Или готовит что-то.» – отметил Ермолай.

Конечно, на столе стояло блюдо с сыром. Но это был не «Кормиловский твердый», а «Кормиловский мягкий с перцем». Он делался в виде рулетика, кольца которого пересыпались слоем огненной паприки. Трудно было представить нечто более подходящее в качестве предваряющей горячее блюдо холодной закуски. Да и не совсем холодной. Сыр таял во рту, оставляя на языке вспышку пламени.

Баранина, действительно, оказалась сочной и нежной. Майор не пожалел, что согласился второй раз за сегодняшний день пообедать.

Только побеседовать за обедом не удалось. Дудник демонстративно молчал. Остальные сотрудники службы безопасности сосредоточенно жевали, изредка перебрасываясь пустыми фразами, вроде, «подай хлеб», или, «во сколько сегодня футбол?»

И только, когда все вышли, а Нюра сварила по просьбе Виктора кофе, Бебут счел возможным спросить:

– Ты что-нибудь про Лапкина выяснил?

Дудинец отхлебнул кофе, помолчал, а потом солидно про-
изнес:

– Выяснил.

– Неужели, он ваших юристов подпалил?

– Не он.

– А кто ж тогда? – внимательно взглянул майор.

Дудник снова замолчал, словно решая что-то для себя. На
этот раз надолго. Наконец, кашлянул и сказал:

– Ну, вам можно, раз вы от Палия. Тут зверь покрупнее
появился. «Сибирские продукты» его зовут. Вот кто решил
нашу сыроварню хапнуть. Их бойцы, оказывается, уже неде-
лю в гостинице живут и Лапкина прессуют... Ну, ничего...
Это они еще не поняли, с кем связались... Это они большую
ошибку совершили, что Витю рассердили. Я их на место по-
ставлю! А маслосырзавод мы себе заберем!

Бебут хорошо представлял себе, чем являлось акционер-
ное общество «Сибирские продукты». Это была фирма зна-
чительно более крупная, чем только что поднявшийся с по-
мощью вице-губернатора Ведерникова «Агротрест». Она ра-
ботала в сфере переработки сельхозпродукции уже лет де-
сять. Ее предприятия располагались в трех областях. «Си-
бирские продукты» владели десятками зерновых и животно-
водческих хозяйств, несколькими большими мясоперераба-
тывающими и молочными заводами, а также крупным эле-
ватором в Новосибирской области. По сравнению с «Агро-

трестом» это был, конечно, боец более тяжелой весовой категории.

– А, точно, это они? – усомнился Бебут.

– Ну, а кому еще надо было джип жечь? Это они нас запугать хотели. Да и сам Лапкин говорит, что «Сибирские продукты» ему предложение сделали! Но это мы еще посмотрим! Это мы еще поглядим, кто наверху окажется!

– Слушай, Виктор Михайлович! Только давай без эксцессов!

– Не будет никаких эксцессов! Наше дело – коммерческое, шума не любит. Словами все уладим! Без всякого треска! Не такие же они тупые, чтобы не понять – за нами областная администрация! Сам Ведерников! Раздавим же! Я им это лично объясню! Можете Палию так и доложить!

Услышанное Бебуту не понравилось. Обещание обойтись «без всякого треска» вызывало у него большие сомнения.

Да, и по вопросу виновности в поджоге машины «Сибирских продуктов» у Бебута оставались сомнения. Зачем respectable фирме идти на такие силовые акции, как поджог машины? Уж проще было все решить путем переговоров в областном центре... Или, чувствуя поддержку Ведерникова, орлы из «Агротреста» ни на какие переговоры по поводу маслосырзавода не пошли?

– Значит, говоришь, все будет тихо? – изобразил рентгеновский взгляд Ермолай.

– Тихо. – подтвердил начальник службы безопасности

«Агротреста».

– Ну, смотри! Я так и доложу!

Баранина была съедена. Кофе был выпит. Нюра, действительно, заслуживала самых искренних похвал. Насчет победы в конкурентной борьбе «Агротреста» можно было сомневаться, но вот в том, что бытовая сторона жизни его Кормиловского представительства была поставлена хорошо, сомневаться не приходилось.

Ермолай поблагодарил Дудника за обед, распрощался и покинул представительство «Агротреста».

Виктор Михайлович проводил его взглядом, в котором Ермолай прочитал нелегкое раздумье.

5. Тревожные часы сырного короля

Коттедж владельца маслосырзавода находился на другом конце города.

Бebut сел в свою машину и медленно двинулся по зеленым тоннелям Кормиловских улиц.

Лето в этом году выдалось на редкость благодатным. От льющихся с неба обильных дождей и сыплющихся солнечных фотонов зелень росла, как на дрожжах. Листья на деревьях были такие сочные, что походили на маленькие олады. Они даже не шелестели под летним ветерком, а мягко шлепались друг о друга, будто волны в спокойном море.

Бebut ехал по городку почти со скоростью пешехода и смотрел по сторонам.

В открытое окно врывался волнующий генетическую память дикий воздух лесов, которые были совсем рядом.

Он и не заметил, как запел хриплым тенорком, несвойственным ему в обычной жизни, но появляющимся у него во время вокальных упражнений.

О, спите, – думал наш герой...
Друзья, под бурею ревущей,
С рассветом глас раздастся мо-о-ой,
На славу и на смерть зову-у-ущий...

У двухэтажного здания автовокзала из светлого силикатного кирпича, ему показалось, что он увидел знакомое лицо. Рядом с входом в вокзальное кафе как будто мелькнула тугая кошачья морда налетчика, у которого он отобрал автомат на въезде в Кормиловск. Правда, до конца он в этом не был уверен. Одет этот человек был уже не в милицейский камуфляж, а в джинсы и черную футболку, и нырнул в дверь так быстро, что вполне можно было ошибиться.

Нам смерть не может быть страшна-а-а...
Свое мы дело совершили,
Сибирь царю покорена-а-а,
И мы – не праздно в мире жи-и-или!

С чувством выводил он забытые слова, рассказывающие об очень старой истории.

Весь путь от центральной площади до нового трехэтажного коттеджа Семена Сергеевича занял хорошо, если минут пять.

Особняк альпийско-курортного типа был обнесен кованой решеткой на кирпичных столбах. Металлическая дверь в ограде открылась от простого нажатия блестящей медной ручки. От ворот к дверям дома вела посыпанная желтым речным песком широкая дорожка. Над полированной дверью дома на выносном штативе была укреплена обзорная телекамера.

Бебут нажал большую белую кнопку входного звонка.

Самого звонка за толстыми стенами он не услышал. Однако, не прошло и нескольких секунд, как замок мягко щелкнул и дверь медленно поехала внутрь особняка.

На пороге Бебут увидел человека, одетого так, будто он собрался на важный прием. Темный костюм и белую рубашку с пластронами на груди дополняла маленькая темно-красная галстук-бабочка. Последнее для Кормиловска было, пожалуй, перебором.

Этим человеком был Семен Сергеевич Лапкин.

– Добрый вечер, Сема! – поздоровался майор.

– Ермолай, вот не ждал... Ну, проходи... – как-то неуверенно проговорил хозяин. – Только, понимаешь, у меня тут дела. Важная встреча. Так что, ты не обижайся, мне скоро идти.

Лицо Семы Лапкина походило на производимый им сыр. Оно было круглым, ровным, приятного соломенного цвета. Маленькие глаза, едва различимые губы и нашлепка носа.

– Ну, пять минут-то у тебя найдется? – спросил Бебут, перешагивая порог.

– Ну, пять-то, конечно! Ты не обижайся только, понимаешь, бизнес.

Они поднялись на второй этаж и вошли в Семин кабинет.

Хозяин указал на гулливеровское кресло коричневой кожи с такими обширными подлокотниками, что на каждом из них, можно было вытянуться во весь рост и полежать, как на

диване. Сам он подошел к письменному столу, хотел сесть во вращающееся кресло, уже примерился, но не сел, а встал около окна. Оно было полностью закрыто зелеными вертикальными жалюзи.

Сема поправил красную бабочку и вопросительно взглянул на Бебута.

Ермолай Николаевич выдерживал паузу.

– Ты, наверное, про эту сгоревшую машину поговорить пришел? Так я уже в милиции говорил и тебе, Ермолай, как на духу, скажу: я ее не взрывал! Ну, сам подумай, ну, зачем мне?

– Как зачем? Новых покупателей нашел. А старых решил отшить, чтоб не приставали! – доброжелательно проговорил майор.

– Да, ты что, Ермолай! – приподнял невидимые бровки Липкин. – Ну, кто бы другой мог такое сказать! Но ты!

– Слушай, Сема, а зачем ты вообще завод продаешь? – спросил Бебут. – Он тебе что, жмет, что ли?

Сема помолчал, вздохнул и сказал:

– Мне-то завод не жмет. Ты же знаешь, я на нем всю жизнь... На меня жмут! Да так, что вот-вот масло брызнет! Сам видишь, дома один живу. Жену с дочками к теще в Новосибирск отправил... Боюсь! Вот только что звонили, в областном центре пожарники мой магазин опечатали... по причине нарушений пожарной безопасности... А на прошлой неделе налоговая инспекция в магазине все доку-

менты для проверки изъяла... С банком, который мне кредит на развитие давал, проблемы начались... Кредит я пока не полностью вернул. Месяц назад вроде по-хорошему обо всем договорились, а тут вдруг требуют срочного возврата денег... Иначе, говорят, будем возбуждать дело о банкротстве... Мы ж с тобой не дети... Понимаем, чего это от пожарников до банкиров такое внимание ко мне вдруг возникло... Жмут-с! Так что, мне завод продавать хоть так, хоть по-другому придется!...

– И не жалко? Вон как подниматься стал... Даже в Париже, говорят, сыр продаешь!

– Жалко, конечно. Да, что поделаешь!...

Майор сочувственно покачал головой.

– А машину «Агротреста» я не взрывал... Ну, зачем мне? Это уж пусть «Сибирские продукты» с «Агротрестом» воюют... Мне-то какой смысл?... Не тем, так другим отдавать.

– А что «Сибирские продукты» больше тебе дают?

– Больше, конечно! В три раза. Тебе-то могу сказать, почти полтора миллиона евро дают... «Сибирские продукты» и сами куда больше! Это ж целый холдинг, имеет предприятия в трех областях, покруче нашего «Агротреста» будет... Хотя и «Агротрест» Ведерников не слабо вверх тянет!

– Так, ты считаешь, это «Сибирские продукты» машину с юристами «Агротреста» сожгли? – спросил Бебут.

– Ну, Ерема, не тяни меня за язык... Не знаю! Я только за себя могу отвечать. Я тебе говорю: я не жег! Но, если поду-

мать, то, конечно, они... Ну, кому еще надо?

Бebut погладил рукой безразмерный подлокотник и под-
нялся с кресла.

– Ну, ладно, раз у тебя, Сема, дела, спасибо и на этом...
Пойду!

– Нет, подожди! – вдруг всполошился Лапкин. – Что я,
действительно, за хозяин такой! Давай все-таки с тобой по
рюмке выпьем!... Подожди минуту.

Семен Сергеевич колобком выкатился из комнаты.

Скоро он вернулся с большой тарелкой, на которой были в
несколько кругов разложены ломтики сыра. Из встроенного
в деревянную панель бара достал бутылку коньяка, две тон-
кие рюмочки на тонких ножках.

– Вот ты думаешь, почему мой сыр такой вкусный? А? –
спросил он, разливая коньяк.

– Главный сыровар хороший. – ответил майор.

– Полина-то? Неплохой... Но есть секрет! Мой собствен-
ный! Я его в довоенных заводских документах отрыл. Хо-
чешь, скажу, а? Тебе – скажу!

Семен Сергеевич приподнял рюмку, приглашая выпить.

Бebut сделал глоток. Но после ненароковской "кормилков-
ки" на кедровых орехах пить коньяк ему не хотелось, и он
поставил рюмку на стол.

Сема опрокинул свою рюмку с жадностью.

– Так вот, слушай секрет! – выдохнув, произнес он – Ни-
кому не говорил, а тебе скажу! Мы в сыр кедровое масло до-

бавляем. Понял? Вот он такой и получается. Вот попробуй, это из последнего посола! Не сыр, а сказка!..

Бебут взял с блюда тонкий упругий ломтик и откусил.

– Да! – с искренним одобрением покачал он головой. –

Чудо, а не сыр!

В тот момент на письменном столе зазвонил телефон.

Семен Сергеевич поставил на стол пустую рюмку и поднял трубку.

– Да, жду. Нет, помню. Да, понимаю. Как договорились. – односложно отвечал он.

Бебут внимательно смотрел на хозяина дома.

– Ну, извини, старик, дела. Кое-что сделать нужно. – сказал Лапкин извиняющим тоном.

Бебут попрощался и покинул сырного короля. От встречи у него осталось неясное ощущение тревоги.

6. В гостинице «Дорожная»

После Лапкина, Ермолай отправился в гостиницу.

Гостиница «Дорожная» размещалась в двухэтажном здании солидной послевоенной постройки с круглыми колоннами и барельефами на темы сельскохозяйственной жизни. У входа дремали старые тополя.

Двери в гостинице были сделаны для очень высоких и широких людей.

В углу огромном холла, затаилась стойка с надписью «Администратор». Чтобы узнать, где проживает группа сотрудников компании «Сибирские продукты», ему пришлось показать свое служебное удостоверение и даже отдать его для изучения серьезной даме в синем форменном костюме с крашенными в платиновый цвет волосами.

Бебут поднялся на второй этаж. Подошел к двери нужного ему номера и постучал.

– Кто? – настороженно спросили за дверью.

– Свои! – ответил Ермолай Николаевич.

– Свои все на месте. – ответили за дверью.

– Не все! – возразил майор.

– Ладно, Леша, открывай. Не бойся. Встретим. – произнес за дверью другой голос. Знакомый Ермолаю.

Бебут не ошибся.

Когда дверь открылась, майор увидел в кресле у задер-

нутого окна начальника службы безопасности «Сибирских продуктов» Сергея Владимировича Часовских. Бывшего сослуживца Бебута по областному управлению внутренних дел.

Сергей был ладно скроен, носил по-офицерски короткую стрижку, а вертикальные складки на щеках делали его облик закончено мужественным. На женщин, особенно продавщиц и медицинских работников, его внешность действовала безотказно. Супруга узнала о том, где он на самом деле проводил некоторые свои якобы ночные дежурства и уехала к маме. Но через месяц вернулась. Ничего удивительного в этом не было. Она тоже была медичкой – работала медсестрой в госпитале УВД.

Часовских ушел из органов сам. Но, промедли он еще немного, неизвестно чем бы для него все кончилось. Из различных источников в собственную милицейскую службу безопасности и к соседям – в федеральную службу безопасности – начала поступать информация, свидетельствующая о том, что Сергей Владимирович обложил данью коммерческие структуры.

Вообще, «крышевание», хотя бы и милицейское, это – дело не простое и очень опасное. В коммерческом мире смиренных овечек давно не осталось. Те, кто смог выжить в суровых условиях последнего десятилетия, покладистым нравом и забитостью совсем не отличаются и отдавать свои заработанные деньги криминальным хозяевам не торопятся. При

первой возможности они с удовольствием выдают своих наездников в погонах заинтересованным органам.

В деле милицейского рэкета, как и вообще в вымогательстве, очень важен характер. Клиенты не должны сомневаться во всеилии крышующего. В могуществе Сергея Владимировича предприниматели, как правило, не сомневались. Но, как правило, все-таки не означает, – никогда. Соответствующие службы начали получать информацию о его скрытой деятельности. До взятия с поличным не дошло. Майор почуял неладное. Однако, оперативной информации накопилось слишком много. С работой в органах пришлось расстаться.

Но отставной опер не пропал. Накопленный опыт и связи в правоохранительной среде оказались востребованными. И очень скоро он оказался на месте сначала заместителя, а затем и начальника службы безопасности крупной фирмы по производству и переработке сельхозпродукции «Сибирские продукты».

– Ермолай! Проходи. Садись... Рад видеть. – без особой радости произнес Часовских, увидев стоящего в дверях Бебута.

Бебут прошел и сел в кресло, рядом с хозяином.

– Что у вас тут происходит, Сережа? – спросил он.

– Что происходит? Кто-то на свою задницу приключений ищет. Даже уже нашел. – тихо проговорил Часовских.

– Кто нашел? – поинтересовался Ермолай.

– Дудник. – ответил Сергей Владимирович. – Головастик

недобитый. Надо было мне в свое время его в пресс-хату к уголовникам засунуть, чтобы они ему кое-что на британский флаг порвали. Нам дорогу перебежать вздумал, щенок. Их вшивый «Агротрест» на маслосырзавод замахнулся. Борзота!

Бебут ощутил тревогу. Он-то знал, что Сергей Часовских говорил тихо, но, слов на ветер не бросал никогда.

– Слушай, Ермоха, ты пообедать не против? – спросил бывший сослуживец. – А то я со всеми этими делами проголодался... С утра ничего во рту не было.

Этот обед был для Ермолая третьим за сегодняшний день. Но он согласно кивнул. Покидать наполненного ледяной злобой Сергея Владимировича было рано.

По широкой лестнице они спустились на первый этаж, в ресторан.

Он был под стать холлу огромен и также пуст.

Зал окружали могучие колонны, подпирающие потолок где-то в неведомой высоте. Среди их кудрявых греческих голов прятались состарившиеся почтенные тени.

– Тут хорошо. Спокойно. Уж точно никто не подслушает. И готовят прилично. – заметил Часовских, садясь за столик у окна между двух циклопических столбов.

Бальзаковского возраста официантка в миниюбке и с белым бантом в волосах принесла меню. Бебут, как это ни странно, снова почувствовал прилив аппетита, хотя обычно, несмотря на свои не маленькие габариты, прожорливостью

не страдал. Видимо, в кор-миловском воздухе содержался какой-то неизвестный витамин. Без сомнения, в свое время имя городу дали совсем не случайно.

– Сережа, ты пельмени по-кормиловски не пробовал? – спросил он у бывшего коллеги.

– Нет. Тут шашлык хороший.

– Шашлык везде хороший. Давай закажем пельмени. Не пожалеешь!

Пельмени по-кормиловски были совсем маленькими, с виноградину. В мясной фарш добавлялся сырой картофель и корень травы под названием «медведиха», напоминающей по вкусу сладкий ялтинский лук. Варили их в крепком курином бульоне, разумеется, из настоящей курицы, а не из сухих кубиков, пахнущих новыми джинсами. В результате получалось особое блюдо, дарящее радость жизни и побеждающее простуды.

Конечно, в качестве холодной закуски заказали сыр.

Это был «Кормиловский мягкий с травами». Кольца толстого рулетика были пересыпаны слоем толченых таежных травок. Вкус его был терпким и словно бы тревожащим.

К пельменям Часовских заказал графинчик водки.

Но сам выпил одну рюмку. Ермолай вообще воздержался. Пельмени подтвердили свою высокую репутацию. И позволили как-то сгладить повисшее над столом молчание.

Бебут рассматривал залитую мягким солнцем улицу. И вдруг ему показалось, что рядом с киоском по ремонту обуви

он снова увидел знакомое щекастое лицо бандита, напавшего на него по дороге в Кормиловск. Он попытался взглянуть-ся, но человек проскользнул между кустами акаций и исчез.

Когда они уже пили кофе, Часовских посмотрел на Бебута в упор и, по своему обыкновению тихо произнес:

– Мы завод «Агротресту» не отдадим. Вчера наш генеральный приехал. Спартак Ефимович Дилингаров. Сегодня договор о покупке контрольного пакета акций подпишем и баста. Завод наш!

– Слушай, Сережа, а это не вы случаем агротрестовский автомобиль на переезде сожгли, а? – для порядка спросил Ермолай.

– Нет. Зачем нам с нашими деньгами в такие игры играть? – как и ожидал Ермолай, ответил бывший коллега. – Это – не мы... Да, я слышал, он вроде как сам загорелся. От электропроводки.

– А что много джипов от электропроводки загораются? – спросил Бебут.

– Ну, в жизни всякое случается... – раздвинул губы, изображая улыбку, Часовских. Но глаза у него оставались не улыбочивыми и недобрыми.

«Мог человек с такими глазами сжечь машину конкурентов?» – спросил себя Бебут.

«Вполне! – уверенно ответил он на свой вопрос. – Только вот, действительно, зачем это ему и его процветающей фирме?»

7. В городской библиотеке

Городская библиотека находилась на Центральной площади.

Она размещалась в старом одноэтажном здании, сложенном из круглых стволов сибирского кедрача. Они почернели от времени, но приобрели каменную крепость.

Не смотря на пролетевший век, в воздухе, казалось, еще угадывался запах сосновой смолы. К нему примешивался одеколоновый запах свежей типографской краски и сладковатый – высыхающей старой бумаги. Бебут ходил в эту библиотеку с детства, и тогда ему казалось, что так пахнет сама Наука. Самая лучшая вещь, которая была создана людьми.

Ермолай открыл дверь, вдохнул знакомый аромат и на несколько секунд закрыл глаза.

– Что глаза закрыл? Стыдно? – услышал он знакомый голос.

Конечно, он принадлежал заведующей городской библиотекой Кире Найме.

Майор открыл глаза.

Кира стояла напротив него, у барьера, отделяющего читальный зал от книгохранилища.

Кроме нее в читальном зале никого не было.

– Что у своей Полиночки уже успел побывать? – с сахарной женской ядовитостью осведомилась она.

У Киры были эстонские корни. Она была полновата и белая лицом. На коротком носу удобно устроились большие каплевидные очки.

Бebut подошел к заведующей библиотекой и поцеловал ее в мягкую щеку.

– Не подлизывайся! Говори, был у Теплинской? Только не ври! Я же видела, твоя машина около ее дома стояла!

– Я у Профессора был. Пообедал с дороги. – взял он ее за плечи и попытался притянуть к себе. Но Кира демонстративно отстранилась.

– Господи! И чего в ней хорошего? Почему она всем нравится? Неужели, деньги для вас мужиков – это все?

– Нет, не все. – попытался остановить Кирину атаку Бebut, но женщину не так легко сбить с выбранной дороги. Ведь дорога эта всегда выбрана не случайно.

– Подумаешь, главный сыровар!... – продолжила Кира. – Если хочешь знать, она не главный сыровар, а главная городская ведьма! Только мужиков с толку сбивает! Уж пора внуков нянчить, а туда же!... В свое время семьи не завела, так теперь по сторонам и смотрит! Прямо стрижет! Как бы чужого мужика увести! Колдует! Подманивает! Я-то знаю! Я чувствую!

– Кира! Прекрати! Мне ты нравишься! А для большинства мужиков, женские деньги, это – ничто! – вкладывая в голос максимум искренности, произнес Ермолай.

– Ой ли? – Кира продолжала играть обиду, но, судя по

тому, что перестала отстраняться, внутренне все же смягчилась.

– Поверь мне! – закреплял успех Бебут. – Мужчинам в женщинах нравится совсем другое! Я имею в виду настоящих мужчин.

Ермолай добрался до Кириных губ.

Но библиотекарша на поцелуй не пошла.

– Ермолай, я должна сказать тебе одну вещь... – со значением в голосе произнесла она.

– Да? – Бебут предполагал, что услышит.

Кира помолчала, поднимая значения того, что собиралась сообщить, повздыхала, поднимая грудь под тонкой белой блузкой, и внимательно посмотрела на Ермолая сквозь большие линзы.

– Я выхожу замуж. – наконец веско произнесла она.

Бебут понял, что не ошибся. Он не без основания считал себя знатоком женской психологии. В ответ он ничего не сказал.

Видимо, Кира посчитала, что его молчание вызвано эмоциональным потрясением, Это соответствовало ее ожиданиям, и она перешла ко второй части атаки.

– Ну, сам посуди, как я могу не выходить? – спросила она Бебута, будто он отговаривал ее от этого шага. – Ведь мне уже тридцать! Я – нормальная женщина! Я хочу иметь нормальную семью! Мужа! Детей!

Кира сделала паузу и ожидающе взглянула на Бебута. Но

тот ее надежды не оправдал.

– А кто он? Я его знаю? – поинтересовался он вместо того, чтобы сразу предложить в качестве кандидата в супруги более достойного и давно любящего ее человека. Например, некоего майора Бебута.

– Ты его не знаешь! – сердито отвернулась она. – Он не местный.

– Ну, что ж... – с грустью произнес Ермолай. – Главное, чтобы он тебе нравился.

– И это все, что ты мне можешь сказать?

Бебут решил ничего больше не говорить, а лишь печально засопел носом, изображая человека, раздавленного внезапно обрушившимся известием. Но ожидаемого собеседницей варианта не предлагал. Бебут уже был в прошлом женат, пережил развод и заново влезать в этот бьющий током бункер пока не хотел.

Кирина грудь возмущенно поднялась, она собралась выдать что-то гневное, но в это время за дверь, в коридоре послышались громкие уверенные шаги.

– Ко мне читатель. – не смотря на майора, сухо произнесла Кира. – Иди за стеллажи... Почитай там книги, пока я его обслужу...

Ермолай зашел за деревянный барьер и скрылся среди дырчатых металлических полок. Они были до потолка забиты разноцветными книжными корешками. Бебут двинулся вглубь бумажных джунглей и остановился у зарешеченного

окна. Под ним находился письменный стол. На столе – компьютер, лакированный ящичек с библиотечными карточками и пластмассовый электрочайник. Меж ними лежало зеркальце с ручкой и прятался маленький флакончик духов.

Когда-то для Бебута попасть сюда, в тайные недра библиотеки, казалось высшим счастьем. Наверное, также, как Али-Бабе, проникнуть в набитую драгоценностями пещеру. Книжки для Ермолая казались тогда самыми большими сокровищами на свете.

– Здравствуй, Кира. – произнес невидимый визитер.

Но Бебуту и не нужно было его видеть. Он прекрасно знал этот голос. И совсем недавно беседовал с его хозяином.

– Так как, моя просьба? Удалось тебе что-нибудь найти?

– Представьте, Роман Григорьевич, удалось! Я нашла нужную вам статью в областной библиотеке! И знаете, где?

– Где же? – почти вскрикнул Профессор.

– В сборнике «Электричество и электротехника» за семьдесят второй год! Его уже списали, только выбросить не успели. А я нашла!

– Надо же! Какая ты молодец! – похвалил Ненароков.

– Я его из макулатурного ящика вытащила и вам привезла!

– Ну, Кира! Не знаю даже, как тебя благодарить!

– Да, ну что вы, Роман Григорьевич! Не за что! Это же моя работа!

– К работе можно по-разному относиться. Можно фор-

мально, а можно, как ты, с душой! Чтоб я без тебя делал!

– Когда нужно будет, обращайтесь, Роман Григорьевич... Я для вас всегда все сделаю! – обрадованная похвалой, пообещала библиотекарьша.

– Еще раз спасибо тебе, Кира!! Я вот сушеных грибов принес! На, возьми. Это белые! Духовитые! Вот понюхай! А вкусные! Хорошо суп варить! Или зажарить с картошкой! Только, если жарить, лучше предварительно на часок в воде замочить, чтобы они расправились...

– Ну, что вы, не надо, Роман Григорьевич! – запротестовала Кира.

– Надо! Они знаешь, какие полезные! Ты только попробуй! Не пожалеешь! Еще у меня просить будешь! Ну, пока, Кира! Пойду! Счастливо тебе оставаться!

Раздались шаги. Стукнула дверь читального зала, а через некоторое время и входная в библиотеку.

Бебут постоял в глубине стеллажей, посмотрел через окно на залитую солнцем площадь. По ней неторопливо шествовал Профессор с книгой под мышкой. Он направлялся к своему дому на другой конец площади. За ним увязалась рыжая собачонка. Она обегала его то с одной, то с другой стороны и даже, подпрыгивала от веселого настроения.

Майор понаблюдал за удаляющимся профессором, обвел глазами остальную часть площади, и его взгляд зацепился за одинокую мужскую фигуру. Мужчина неторопливо прогуливался в ее дальнем конце, там, где к площади вплотную под-

ходила лесополоса, идущая вдоль железнодорожной ветки.

Этот человек был майору хорошо знаком. Более того, он состоял у него в списках агентов-информаторов. Звали его – Дима Пилау. Бебут подумал, что встретиться и поговорить с ним совсем не мешает.

Ермолай собрался выйти в читальный зал, но этого не сделал. Он увидел, как на крыльцо библиотеки поднялся еще один посетитель.

Негромко стукнули сначала одна, потом вторая дверь. Шаги были шелестящие, совсем тихие.

Бебут подошел ближе к читальному залу, но остался за стеллажами, так, чтобы посетитель его не видел.

– Добрый день, Кира Людвиговна! – услышал он.

– Здравствуйте, Евгений Иванович! – ответила заведующая библиотекой.

– Как моя просьба? Удалось что-нибудь обнаружить? – голос Жени Ожерельева был по обыкновению полон мировой грусти.

– Удалось!

– Неужели? И где нашлась?

– В сборнике «Электричество и электротехника» за семьдесят второй год. Его, оказывается, списали давно. Только выбросить не успели! Я его у девчонок из хранилища и выпросила!

– И привезла?

В почти безразличном голосе Ожерельева хорошо зна-

ющий его Бебут различил эмоциональный всплеск. Такой всплеск для Жени был вещью чрезвычайно редкой.

– Привезла! Только я его Роману Григорьевичу отдала! Он тоже эту статью просил найти... Он до вас здесь был, и я ему отдала.

– Роману Григорьевичу? – голос Ожерельева снова стал безразличным.

– Ну, да! Вы его попросите дать почитать. Вам же он не откажет...

– А больше ничего этого автора не обнаружилось? – словно бы через силу спросил Женя.

– Больше ничего... Я все каталоги просмотрела... И девчонок просила в Новосибирскую научно-техническую библиотеку запрос сделать... Ответили: больше ничего нет...

– Ну, спасибо вам большое, Кира Людвиговна!

– Да, не за что, Евгений Иванович! Так, вы у Романа Григорьевича попросите, он же никогда не отказывает...

– Конечно, попрошу... До свидания, Кира Людвиговна... – едва колебля воздух, попрощался Женя.

– До свидания, Евгений Иванович!

Прошелестели негромкие шаги. Стукнула дверь. Сначала одна. Затем другая. В библиотеке повисла тишина.

Ермолай вышел из своего укрытия и подошел к деревянному барьеру.

– Слушай, Кира, а что ты для них такое интересное искала? – спросил он из любопытства.

– Да, какая-то ерунда про электричество... – продолжая демонстрировать обиду, недовольно ответила библиотекаряша.

– А все-таки? – не отступал Бебут, ведомый темным инстинктом.

Кира поискала на письменном столе, стоящим у барьера, нашла библиотечную карточку и протянула ее Ермолаю.

Он прочитал, отпечатанное на принтере название статьи:

«Т. С. Тукаев. К вопросу о воздействии электрических полей, биологических организмов, на поведение шарообразных самозамкнутых электрических разрядов (шаровых молний)».

Прочитанное удивило Ермолая. Точнее, поразило.

И автор и название статьи не были для него пустым звуком.

Он задумался. Все, происходящее в Кормиловске, возможно, было куда более серьезным, чем представлялось ему в начале.

Бебут настолько ушел в себя, что даже не сразу почувствовал, что Кирина голова лежит у него на груди.

– Знаешь, Ермолай, у нас последнее время что-то такое происходит... мне даже не по себе... – прошептала женщина.

– Что происходит? – насторожился майор.

– Ну, вот, машина эта взорвалась... Никогда ничего такого в городе не было.

– Подумаешь, машина взорвалась... Помнишь, в прошлом году тепловоз на деревянном доке горел?...

– Нет-нет! Я чувствую... Ты же знаешь, какая у меня интуиция... Что-то вокруг изменилось... Ощущение такое, как перед грозой... Вот-вот что-то случится...

– Что может случиться?

– Даже не знаю, но мне вечерами почему-то так страшно...

Вообще, Ермолаю в прошлом, действительно, приходилось убеждаться в том, что интуиция у Киры, это – не обычный женский самообман. При всей неконкретности ее ощущений, она, в самом деле, могла слышать что-то недоступное остальным людям.

После только что прочитанного названия статьи, женские предчувствия еще больше встревожили Ермолая.

Он обещал Кире зайти к ней вечером домой и покинул библиотеку, в гораздо более беспокойном настроении, чем пришел в нее..

8. БЫВШИЙ младший научный сотрудник

Майор сошел с библиотечного крыльца и окинул взглядом залитую солнцем пустынную площадь.

Фигура Димы Пилау мелькнула там, где он увидел ее из окна библиотеки – у лесополосы, идущей вдоль железнодорожной насыпи.

Ермолай направился через площадь к лесополосе.

Когда-то Дима работал в должности младшего научного сотрудника в филиале Новосибирского института электротехники, размещенного в Кормиловске. Филиал давно закрылся. Но не это сыграло роковую роль в его судьбе. Дима выпал из нормальной жизни еще до его закрытия. С ним что-то произошло во время работы в институте. Его то ли ударило током, то ли он еще как-то пострадал во время пожара в лаборатории.

С тех пор он стал другим. Не то, чтобы совсем уж ненормальным, но странным точно. Он нигде не работал. Жена не смогла с ним жить и уехала от него в родительский дом.

Дома Дима показывался редко. Где ночевал – неизвестно. Легче всего его было найти бродящим по городским улицам, и, чаще всего, у лесополосы, идущей вдоль железнодорожной насыпи.

При этом выглядел Дима на первый взгляд вполне прилично. Не новые, но не слишком и потрепанные джинсы. Не особенно заношенная камуфляжная куртка. Старые, но не рваные башмаки. Более того, на его носу красовались очки с целыми стеклами. Лицо было не истощенным, и даже вполне упитанным. Тугие щеки и короткий вздернутый нос обгорели на солнце до малинового цвета, но так бывает и у вполне благополучных профессоров, если супруга заставила их в выходные дни ремонтировать крышу дачного домика или у младших научных сотрудников, провалявшихся все воскресенье на пляже.

И только, если рассматривать Диму более пристально, ощущалось – что-то не так. Одежда была какая-то не домашняя, будто пропитанная холодной дождевой водой и покрытая лесной пылью. Пахло от него дымом костра, и в глаза ему смотреть почему-то не хотелось. Хотя человек он был совсем не агрессивный и ничего плохого о нем никто сказать не мог.

Даже, наоборот, однажды он, увидев, как захлебывается в воде маленькая девчонка, которую подхватило и понесло течением, бросился в реку и вытащил ее на берег. И все же, обыватели боялись бывшего научного сотрудника и старались обойти его стороной.

– Здравствуйте, Дима! – подходя, подал ему руку Бебут. – Как ваши дела?

– Здравствуйте, Ермолай Николаевич! – вежливо и с достоинством ответил Дима. – Спасибо, неплохо. Прошу, в мой

кабинет.

Дима сделал шаг к зеленой стене и, протиснувшись между кустами, нырнул во тьму лесопосадки. Ермолай раздвинул ветки и последовал за ним.

Здесь было сумрачно, кроны деревьев над головой сошлись так плотно, что образовали сплошной свод. Пахло грибами. Устланная листвой земля под ногами слегка пружинила. Через десяток шагов они оказались на маленькой прогалине между деревьев. На ней стоял большой, ровно спиленный пень. На пне – бутылка водки, буханка черного Бородинского хлеба и соленая килька в полиэтиленовом мешочке.

– У меня сейчас полдник, Ермолай Николаевич. – степенно произнес Дима, указывая на пень. – Прошу вас, присоединяйтесь!

– Спасибо, Дима. С удовольствием. – ответил майор.

Дима достал откуда-то из-под пня два граненых стакана. Подул в них, посмотрел, поместив в пробивающийся сквозь листья солнечный луч, и удовлетворенно кивнул.

Вытянув из кармана куртки медицинский скальпель, он аккуратно отрезал от хлебной буханки несколько тонких ломтиков.

– Немного водки? – светским тоном осведомился он.

– Благодарю вас, Дима, я – на службе. И у меня еще масса дел. Прошу понять меня правильно. – в таком же стиле ответил Ермолай.

За два года знакомства он хорошо узнал Диму Пилау и понимал, как с ним нужно разговаривать.

Дима взял кусочек хлеба и положил сверху кильку без головы.

Затем, он, не морщась, выпил налитый на два пальца стакан, выдохнул и поднес ко ртупряно пахнувший бутерброд.

Беря с него пример, Бебут взял горбушку, приладил к ней серебряную рыбку и откусил. Вместе с бутербродом в рот попал и свежий пластик зеленого воздуха, настоящего на кленовой листве и травяных зарослях. Это было так вкусно, что Ермолай с удивлением понял, – ничего лучшего он в своей жизни и не пробовал.

– Хочу сказать, что вы, Ермолай Николаевич, приехали в наш город вовремя. – произнес Дима, закончив жевать и, наливая себе новую порцию кормиловской водки.

– Почему, вам так кажется, Дима? – спросил Ермолай, делая себе еще один бутерброд.

– В нашем городе появился Он.

– Кто Он? Дима. Вы не могли бы высказаться яснее? – попросил майор.

– Электрик. – ответил бывший младший научный сотрудник.

– Электрик? – удивленно приподнял брови Бебут.

– Он. Я видел многочисленные знаки. – внимательно посмотрел на Ермолая своими нездешними глазами Дима.

– Какие знаки? – спросил майор.

– Сгоревшая машина, сломанные электрическим ударом дерева, насквозь пробитые силовым разрядом бетонные стены.

– Машина, это та, что два дня назад на переезде сгорела?

– Да. Дело рук Электрика.

– Почему вы так думаете, Дима? Есть мнение, что машина загорелась от неисправной электропроводки...

– Мне представляется это мнение ошибочным. – сказал Дима.

По мере того, как он пил, лицо его разгоралось, но ни в мимике, ни в голосе не было даже следов опьянения.

– А вы что, видели этого Электрика, Дима?

– Нет. Не видел.

– А почему же, вы так уверены, что этот Электрик сжег машину?

Дима помолчал, сосредоточился, пожевал губами и сказал:

– К сожалению, я не могу привести общепринятых аргументов. Рассматривайте мое мнение, как экспертную оценку по предложенному вопросу.

За время общения с Димой Пилау, Ермолай убедился, – бывший младший научный сотрудник никогда не говорит пустого. Но он также знал, что Дима говорит только то, что хочет. Или может. И пытаться вытянуть из него что-то сверх того не возможно.

– Э! Дима! – вдруг раздалось из листвы, и меж ветвей про-

сунулась темная небритая физиономия. – Ты што жа меня-то не дождался? Я фруктик принес.

Из кустов вынырнул небольшого росточка мужик и вытянул перед собой ладонь, на которой весело светилась желтыми боками маленькая дынька.

– Сева, подожди в парке! – строго взглянул на него Дима.

Сева положил дыньку на пень и тут же растворился в лесополосе.

– Простите меня великодушно, но я не могу сообщить вам ничего дополнительного к тому, что уже сказал! – повернулся Дима к Ермолаю. – Впрочем, я не уверен, что мне вообще нужно было говорить об Электрике.

– Почему?

– Потому, что, все равно, остановить его невозможно. Электрика может остановить только сам Электрик. В сущности, все зависит от его убеждений и моральных качеств. Если они не противоречат данной нам свыше морали, то нам нечего опасаться. Напротив, обладая такой силой, он может стать Защитником. Если же нет, если его внутренние убеждения не включают в себя моральных норм, Он уничтожит все вокруг. Но, может быть, так и надо.

– Кому надо?

Дима подумал.

– Судьбе. Я бы не стал употреблять слово Провидение. Это слишком ответственно.

Майор вынул бумажник, отсчитал несколько денежных

купюр и вручил их агенту, носящему в секретных списках внештатных сотрудников псевдоним «Мистик».

Мистик с достоинством взял деньги и спрятал их в карман своей пахнувшей диким лесом камуфляжной куртки.

Разговор с Димой ничего не прояснил, но только усилил появившиеся у Бебута подозрения. Майор знал, за всем, что говорит Мистик обязательно кроется какая-то реальность. Димино сознание может ее неузнаваемо изменить, извратить, деформировать. Все так. Но все-таки в основе его сообщений всегда лежит нечто, имевшее место в действительности.

И это было хуже всего.

9. В Казачьих казармах

Весь Кормиловск можно проехать минут за пять.

Добравшись до места, где улица кончилась, Бебут вышел из машины и запер дверцу. Перед ним высился заросший травой пологий холм. На его вершине белела длинная, побеленная известью кирпичная стена с черными провалами пустых окон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.